

КОРОТКО О НОВЫХ КНИГАХ

Цвайнерт Й. **История экономической мысли в России. 1805 – 1905** / Пер. с нем. Под ред. В. С. Автономова. М.: Издат. дом. ГУ ВШЭ, 2008. – 410 с.

Монография Й. Цвайнерта (Гамбургский университет, Германия) вызывает интерес в двух отношениях. Во-первых, обширные познания автора в истории российской экономической науки и весьма значительный круг привлеченных историко-экономических источников позволили ему создать панорамную картину эволюции отечественной экономической мысли за 100 лет (1805–1905). Сочинение Й. Цвайнерта отличаются систематичность изложения материала и вполне обоснованная периодизация этапов развития экономической науки в России. Сжато и содержательно представлены в книге политический и историко-экономический контексты российской мысли. Все это позволяет – несмотря на утверждение автора о том, что он предлагает читателю не пособие, а научный анализ, рекомендовать сочинение Й. Цвайнерта и в качестве учебного пособия по истории российской экономической мысли.

Во-вторых, автор представил оригинальное исследование основных смысловых линий развития экономической науки России посредством определения религиозно-философских установок отечественного мышления. Исходный пункт российской мысли, по мнению Й. Цвайнерта, содержится в наследии русского православия, которое порождает нормативные образцы и ориентиры экономического мышления. Православные идеалы выразились в двух методологических принципах русской науки – холизме и антропоцентризме. Холизм – идеал целостного общества и антропоцентризм – ориентация на человека акцентировали экономическое мышление в России на социальных проблемах общества, на вопросах этической обусловленности экономической жизни и нормативных аспектах хозяйствования (с. 31–34, 39).

«Интегрализм» мышления русских экономистов (стремление к целостности, к синтезу всех сторон социально-экономической реальности) долгое время затруднял восприятие утвердившегося на Западе представления об экономике как об автономной, самодовлеющей сфере общества. Отсюда проистекала отмеченная в книге сложность в усвоении русской мыслью принципов абстрактного мышления и категориального аппарата классической политической экономии (при большой популярности в обществе идей А. Смита). Зато «органистические» принципы мышления, акцент на духовных аспектах хозяйствования и активной роли государства, присущие немецкой исторической школе,

оказались гораздо более совместимыми с традициями российского мышления. Вследствие такой методологической совместимости, указывается в книге, именно идеи немецкой исторической школы оказали чрезвычайно сильное влияние на процессы становления экономической науки в России.

Направленность отечественной мысли на проблемы человека способствовала рождению в России целого ряда идей, во многом предвосхитивших концепцию человеческого капитала. В книге показано, что учение Х. Шлецера о «личном капитале» и теория «внутренних благ» Г. Шторха, в которых исследовались нематериальные факторы экономики, были созданы в России экономистами немецкого происхождения, сформировавшимися под влиянием культуры и науки Германии. При этом, замечает автор, антропоцентрические аспекты концепций Шлецера и Шторха, возможно, «были разработаны под влиянием духовного климата России» (с. 95). В данном контексте автор мог бы напомнить читателю о том, что вопрос о значении нематериальных благ («невещественного богатства») впервые в России был поставлен И. Т. Посошковым в «Книге о скудости и богатстве».

Вполне закономерно, что достижения российских экономистов XIX в. связаны с разработкой проблематики «невещественного капитала», если использовать термин А. И. Бутовского. Помимо Бутовского, в книге отмечен вклад в исследование нематериальных ресурсов таких ученых, как И. Я. Горлов, Д. И. Пихно и Н. С. Мордвинов. Последний, по оценке автора, на основе теории внутренних благ Шторха «впервые сформулировал обычно приписываемую Листу идею о том, что молодые отрасли развивающихся народных хозяйств нуждаются в таможенной защите, поскольку обрабатывающие промыслы индуцируют процессы обучения, имеющие решающее значение для экономического развития нации» (с. 106).

Вниманию читателя можно рекомендовать такие разделы и подразделы книги, как «Экономическая мысль в России периода 1805–1825 гг.»; «Экскурс: существовала ли «немецко-русская школа»; «Итог: немецко-русская версия классического учения?»; «Граф Николай Семенович Мордвинов»; «Александр Бутовский и его “Опыт о народном хозяйстве”»; «Иван Яковлевич Горлов и его “Начала политической экономии”»; «Иван Васильевич Вернадский и “западнический” либерализм»; «Второе поколение славянофилов: ретрограды-романтики или сторонники капитализма?»; «Между историзмом и либерализмом: Николай Христианович Бунге»; «Первый русский ученик Карла Маркса: Николай Иванович Зибер»; «Между сущим и должным: Михаил Иванович Туган-Барановский». Даже в этом кратком перечне просматриваются методологически оригинальные постановки вопросов истории отечественной экономической мысли.

Недостатком книги является определенная асимметрия, дисбаланс в изложении материалов по истории русской экономической мысли. К примеру, воззрения декабриста П. И. Пестеля излагаются на шести страницах сочинения Й. Цвайнерта, в то время как С. Н. Булгакову и его концепции хозяйства посвящено всего девять страниц, из которых собственно экономическому учению Булгакова уделено от силы две страницы книги. Между тем вклад этих персоналий в развитие российской экономической науки несопоставим. С. Н. Булгаков разработал масштабную концепцию религиозно-метафизических предпосылок хозяйственной жизни. Если М. Вебер и В. Зомбарт свели духовный фактор хозяйственного развития к этике, выступив основоположниками этической экономики, то Булгаков впервые выделил религиозно-метафизические предпосылки хозяйства в качестве самостоятельного объекта научного исследования (см.: *Эляян М. Р. С. Н. Булгаков: православие и капитализм (философия хозяйства)*// *Философия хозяйства*. 2005. № 2. С.141). С. Н. Булгаков впервые осмыслил экономическое развитие в христианских

категориях и разработал основы христианской философии хозяйства. Существенен его вклад и в историю экономических учений: в книге «Очерки по истории экономических учений» им представлена оригинальная трактовка эволюции хозяйственных мировоззрений. Думается, что идеи С. Н. Булгакова заслуживают гораздо большего внимания.

За пределами исследования Й. Цвайнерта оказались сочинения Л. А. Тихомирова, С. Ф. Шарапова, М. О. Меньшикова, Г. В. Бутми, в которых разрабатывалась концепция самобытной державной экономики России. Эти авторы отстаивали хозяйственный суверенитет страны, развивали идеи о державной (имперской) хозяйственно-финансовой организации «Больших пространств» России на православных нравственных началах. Холистический принцип русской мысли, столь удачно сформулированный Й. Цвайнертом, нашел яркое выражение именно в трудах экономистов-державников конца XIX – начала XX в.

Спорным выглядит итоговый тезис автора о том, что традиция холизма — антропоцентризма российского экономического мышления может рассматриваться в качестве одной из главных трудностей, с которыми сталкивается Россия, пытаясь «внедрить» рыночную экономику. Поэтому «достойно стремления и преодоление этой традиции». Автор подчеркивает, что в соответствии с российскими традициями возможна модификация «западных» теорий — так, чтобы «они соответствовали специфическим условиям российской экономики» (с. 372). А так ли это, стоит ли пытаться «преодолевать» фундаментальные принципы российского мышления? Уместно напомнить, что крупнейшие теоретические достижения российской науки базировались именно на традиционном типе мышления. Концепции «невещественного капитала» исходили из приоритета антропоцентризма, теория больших циклов конъюнктуры Н. Д. Кондратьева основывалась на холистических принципах научного мышления, философия хозяйства С. Н. Булгакова была порождена православным мирозерцанием. И можно только догадываться о достижениях, к которым могла прийти российская экономическая наука, если бы ее развитие не было насильственно прервано после 1917 г.

Но, и это в данном случае главное, идеологические предпочтения Й. Цвайнерта не помешали ему представить в целом объективное и методологически основательное исследование истории российской экономической мысли.

М. А. Румянцев,
канд. экон. наук,
доцент кафедры экономической теории
Экономического факультета СПбГУ